

О. Бердяева

Художественное и историческое в
романе
М. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Н ачиная с романа «Белая гвардия», М.А. Булгаков размышляет о том, что христианская история кончается. Уже в зачине произведения 1918 год был назван «от начала революции вторым» (5, с. 179)¹. Все последующее творчество писателя было стремлением осмыслить эту катастрофу, итог которой Булгакову виделся однозначно: человеческая история находится во власти «Князя Тьмы».

Однако с мотивом пришествия Антихриста Булгаков обходился весьма осторожно. В его прозе 20-х годов Антихрист, можно сказать, постоянно стоит при дверях, но так до конца и не появляется *лично*, высылая вместо себя тех, кого можно принять за Антихриста, но кто таковым не является. Шполянский из «Белой гвардии» и Рокк из «Роковых яиц» в контексте общей концепции Булгакова – явные приспешники темных сил. Появление же Воланда в Москве должно поставить точку в сквозном метасюжете булгаковского творчества. Но это появление носит весьма неожиданный характер, причем настолько, что у позднейших критиков Булгакова даже прозвучало обвинение в том, что он ради своих сомнительных художественных целей принес в жертву Священную историю. На самом деле к Священной истории Булгаков был очень внимателен.

В 20-е годы Булгаков, с одной стороны, был близок к тому, чтобы художественно разрабатывать евангельский тезис о том, что «весь мир лежит во зле» (Ио.5, 19), с другой – боролся с собственными эсхатологическими и апокалипсическими настроениями, пытаясь нащупать внутренние резервы добра в истории. В конечном итоге его последний роман стал этическим парадоксом, для воплощения которого потребовались новые сюжетные линии. В романе возник сложный, философски насыщенный

параллелизм «ершалаимских» и «московских» глав, а «пилатовская» тема, судя по всему, значительно потеснила «воландовскую». Об этом красноречивее говорит диалог Воланда и Мастера:

– О чем роман?

– Роман о Понтии Пилате (5, с. 278).

Как замечали многие булгаковеды, формула «роман в романе» применительно к «Мастеру и Маргарите» не вполне корректна. Е. Фарино был прав, говоря, что «эпизоды о Понтии Пилате <...> только отчасти могут считаться внутренним романом»². И все-таки «ершалаимские» главы, не являясь в строгом смысле слова «романом», создают *образ романа*, написанного Мастером. Роман Мастера занимает в романе Булгакова важное место, поскольку именно он во многом определяет судьбу его главных героев:

«Ваш роман прочитали» (5, с. 369), – говорит Воланд Мастеру и снова повторяет буквально через страницу: «Тот, кого так жаждет видеть выдуманный вами герой <...>, прочел ваш роман» (5, с. 371). О романе Мастера, несмотря на то, что он дан фрагментарно, можно говорить как о чем-то целостном, то есть как о некоей художественной точке зрения, которая, в свою очередь, вставлена в «точку зрения» самого Булгакова.

А. Зеркалов, посвятивший этим главам отдельное исследование, справедливо заметил, что «ершалаимская часть» является ключевой – «прежде всего потому, что она слишком заметна и представляется выделенной намеренно, в расчете на самое первое впечатление»³. Ершалаимские главы, представляющие за роман о Пилате, действительно, можно считать ключом ко всему булгаковскому повествованию. И это связано с тем, что Булгаков писал роман о судьбе христианской истории, сводя воедино ее «начала» и «концы».

Разгадку катастрофы, случившейся с христианской историей, Булгаков ищет в событиях, описанных в Евангелии. Но обращается со всеми четырьмя Евангелиями достаточно свободно. Это прежде всего относится к восприятию их как исторического источника.

И хотя среди жизнеописаний Христа, которыми пользовался Булгаков, чаще называют Фаррара и Древса, ему наверняка была знакома и близка мысль Ренана о том, что «все вероисповедания лишь искажают идею Иисуса», а писания Евангелистов «полны ошибок и бессмыслиц»⁴. Текст романа говорит об этом достаточно красноречиво:

– Эти добрые люди, – заговорил арестант и, торопливо прибавив: – игемон, – продолжал: – ничему не учились и все перепутали, что я говорил. Я вообще начинаю опасаться, что путаница эта будет продолжаться очень долгое время. И все из-за того, что он (Левий Матвей. – О.Б.) неверно записывает за мной (5, с. 24).

К слову сказать, Булгаков не доверяет свидетельствам не только о Христе, но и о дьяволе: «Впоследствии, когда, откровенно говоря, было

уже поздно, разные учреждения представили свои сводки с описанием этого человека. Сличение их не может не вызвать изумления. Так, в первой из них сказано, что человек этот был маленького роста, зубы имел золотые и хромал на правую ногу. Во второй – что человек был росту громадного, коронки имел платиновые, хромал на левую ногу. Третья лаконически сообщает, что особых примет у человека не было.

Приходится признать, что ни одна из этих сводок никуда не годится» (5, с. 10).

Несомненно и другое – Булгаков убежден в истинности Того и Другого. Он был глубоко религиозным художником, и его любимые герои неслучайно чувствуют присутствие той самой высшей реальности, которую на первых страницах «Мастера и Маргариты» отрицает Берлиоз. В «Белой гвардии» Алексею Турбину во сне становится видим рай, Елене – в чудесном видении, дарованном по горячей и страстной молитве, является воскресший Христос. Эти эпизоды очень важны для понимания концепции произведения.

Эти прорывы в трансцендентность в «Мастере и Маргарите» (или, как сказано в романе, в «свет»), в отличие от «Белой гвардии», оказываются наглухо закрыты для героев произведений Булгакова 20-х годов по той причине, что они вступают в мир, лежащий «во зле», и сами во многом становятся одержимы «бесовщиной». Например, персонажи «Зойкиной квартиры» и «Бега» пытаются вырваться из обступившей их губительной реальности собственными силами, но терпят неудачу. У них нет того твердого религиозного основания, которое характеризует Турбиных, и они куда более растеряны перед лицом подступившей катастрофы. Пушкинский мотив «трех карт» в «Беге» – слишком призрачная надежда на благоволение высших сил, да к тому же природа этих сил (как и у Пушкина в «Пиковой даме») чрезвычайно сомнительна.

Неслучайно на балу у Воланда в толпе гостей оказывается Зоя Пельц, героиня «Зойкиной квартиры»: «Московская портниха, мы все ее любим за неистошимуую фантазию... держала ателье и придумала страшно смешную штуку: повертела две круглые дырочки в стене...

– А дамы не знали? – спросила Маргарита.

– Все до одной знали, королева, – отвечал Коровьев» (5, с. 261).

В «Мастере и Маргарите» Булгаков, осознающий себя человеком, живущим в конце христианской истории, обращается к ее началу, где человеку впервые открылась Истина. В романе эта Истина персонифицирована не канонизированным евангельским Иисусом, а бродягой-философом – арестантом «лет двадцати семи», одетым «в старенький и разорванный голубой хитон» (5, с. 20). У него нет постоянного жилища, он не помнит своих родителей: «Мне говорили, что мой отец был сириец...» (5, с. 22). Словом, он безвестен и одинок.

Эта глава – первая из четырех «ершалаимских» глав – наиболее «ренановская» по типу, то есть в ней «новозаветный Бог подменен человеком, олицетворяющим этическую идею Добра»⁵. Сделав заявку на якобы историческую достоверность своего повествования, Мастер (а вместе с ним и Булгаков) как будто бы исходил исключительно из человеческой природы Иисуса. Известно, что Ренан историзовал Иисуса, описав его как наивного и одновременно мудрого человека, задумавшего совершить геологический переворот в нравственной сфере, но оказавшегося не в состоянии учесть «пределы человеческой природы» и потому всегда выходившего за них⁶.

Но Булгаков, бывший, по собственному признанию, «писателем мистическим», не мог и не хотел следовать позитивистскому взгляду на Иисуса как на историческую личность. Его концепция Иешуа – мистическая. В отличие от «исторического» Иисуса Ренана, Булгаков дает почувствовать в своем Иешуа мистическую глубину, соприкосновение с которой действует на окружающих его людей странным, «возмущающим» образом. Левий Матвей бросает свое ремесло и становится его учеником, что для римского прокуратора в высшей степени поразительно: «О, город Ершалаим! Чего только не услышишь в нем! Сборщик податей, вы слышите, бросил деньги на дорогу!» (5, с. 25).

Однако и сам Пилат в разговоре с Иешуа ведет себя нелогично. Задавая арестанту неожиданный для самого себя вопрос: «Что есть истина?» – он удивляется самому себе: «О боги мои! Я спрашиваю его о чем-то ненужном на суде... Мой ум не служит мне больше...» (5, с. 26).

Пилату есть от чего прийти в изумление. Иешуа проявляет поразительную осведомленность о его внутреннем мире и говорит об этом как опытный врач, ставящий диагноз, вызывая ошеломление у секретаря прокуратора. Неожиданное знание арестантом латинского языка (хотя до того Иешуа признался, что знает только арамейский и греческий) в этом контексте не столь уж и удивительно. Тот, кто читает мысли Пилата, безусловно, знает и язык, на котором эти мысли выражаются.

Вместе с тем «безумные утопически речи Га-Ноцри» (5, с. 50) кажутся Пилату наивными. И прежде всего, это касается утверждения, что все без изъята люди добры. Философия добра вызывает у прокуратора иронию:

– А вот, например, кентурион Марк, его прозвали Крысобоем, – он – добрый?

– Да, – ответил арестант, – он, правда, несчастливый человек. С тех пор, как добрые люди изуродовали его, он стал жесток и черств (5, с. 29).

Иешуа как будто не замечает, что говорит о жестоком и нерассуждающем солдафоне, который только что по приказу своего командира ударом бича свалил его с ног. Более того, он не замечает и логической несообразности собственных слов о «добрых людях», которые *изуродова-*

ли кентуриона. Но эзотерический смысл его высказываний куда глубже этих кажущихся несообразностей.

Иешуа утверждает фундаментальный постулат христианства об онтологичности добра. Булгаков скорее всего знал, что этот принцип был впервые сформулирован Оригеном в виде доктрины *privatio boni*, по которой зло понималось как «отъятие» или «отсутствие» добра. Во всяком случае, он наверняка читал о нем в настольной книге каждого церковного человека – «Точном изложении православной веры» Иоанна Дамаскина:

«<...> Зло не есть что-либо другое, кроме лишения блага и быстрого перехода от того, что согласно с природою, в то, что – противоестественно. Ибо все, что Бог сотворил, – в таком виде, как оно произошло, – весьма прекрасно. Следовательно, оставаясь в таком виде, как оно и было создано, оно – весьма прекрасно; а добровольно удаляясь от того, что согласно с естеством, и попадая в то, что – противоестественно, оно оказывается во зле.

<...> Ибо зло – не сущность какая-либо и не свойство сущности, но нечто случайное, то есть добровольное отступление от того, что согласно с природою, в то, что – противоестественно, что именно есть грех.

Итак, откуда грех? Оно – изобретение свободной дьявольской воли. Следовательно, дьявол зол? Конечно, поколику он создан, он – не зол, но добр, ибо Творцом он был создан Ангелом светлым и весьма блистающим, и, как разумный, свободным. И добровольно удалился от согласной с природою добродетели, и очутился во тьме зла, отдалившись от Бога, Который один только – благ и животворящ, и Создатель света; ибо всякое добро получает свою благодать от Него, и, поколику отдаляется от Него, волею, – ибо не местом, – оказывается во зле»⁷.

Итак, логика Иешуа понятна. Коль скоро люди сотворены Богом, они добры по природе своей все без исключения. Они, люди, могут впасть во зло, как, например, Марк Крысобой, но это не лишает их божественности происхождения, то есть онтологической, изначально доброй основы. Даже Иуда есть творение Божье, следовательно, «добрый человек» (5, с. 31). То, что Пилату кажется нелепостью, на самом деле является проявлением высшей логики. Отсюда и произвольно вырвавшийся у него и его самого смутивший вопрос: «Что есть истина?». Булгаков в данном случае точно воспроизвел то недоумение, с которым человек античности встретил христианское учение о Боге и человеке.

Осуществление Царства Божия, как его проповедует Иешуа, есть, таким образом, не что иное, как возвращение человека к его изначально доброй основе, то есть к тому, каким он был задуман и сотворен. А сотворен он был не только добрым, но и свободным.

«– В числе прочего я говорил, – что всякая власть является насилием над людьми и что настанет время, когда не будет власти ни кесарей, ни

какой-либо иной власти. Человек перейдет в царство истины и справедливости, где вообще не будет надобна никакая власть» (5, с. 32).

Собственный опыт до сих пор убеждал Пилата в обратном, и он, разумеется, уверен в наивности и недомыслии бродячего философа.

«– Я думаю, – странно усмехнувшись, ответил прокуратор, – что есть еще кое-кто на свете, кого тебе следовало бы пожалеть более, чем Иуду из Кириафа, и кому придется хуже, чем Иуде!.. Итак, Марк Крысобой, холодный и убежденный палач, люди, которые, как я вижу, – прокуратор указал на изуродованное лицо Иешуа, – тебя били за твои проповеди, разбойники Дисмас и Гестас, убившие со своими присными четырех солдат, и, наконец, грязный предатель Иуда, – все они добрые люди?

– Да, ответил арестант.

– И настанет царство истины?

– Настанет, игемон, – убежденно ответил Иешуа.

– Оно никогда не настанет! – вдруг закричал Пилат таким страшным голосом, что Иешуа отшатнулся» (5, с. 32 – 33).

Встреча Пилата с Иешуа носит мистический характер, о чем внятно говорит неизвестно откуда взявшаяся в сознании прокуратора «короткая мысль»: «Бессмертие... пришло бессмертие...» (5, с. 37). Судя по сохранившимся ранним редакциям романа, Булгаков придавал этой сцене особое значение, упорно и тщательно ища единственно нужный ему смысл.

В редакции «Копыто инженера» Пилат говорил о Каифе: «Раскусил он, что такое теория о симпатичных людях, не разожмет когтей». И, обращаясь к Иешуа, восклицал: «Ты страшен всем! Всем!» А в разговоре с Каифой намекал на то, что знает причину его ненависти к бродячему философу: «Задавил ты Иешуа, как клопа. И понимаю, Каифа, почему. Учужал ты, чего будет стоить этот человек» (Лосев, с. 46). Пилат видит в этой ненависти не только личный, но и «племенной» характер, бросая в лицо первосвященнику оскорбительную фразу: «O gens sceleratissima, taeterrima gens! O foetor judaicus!» («О племя греховнейшее, отвратительнейшее племя! О зловоние иудейское!») (Лосев, с. 46).

Однако, делая Пилата антисемитом (каковыми и были исторические римляне), Булгаков, работая над романом, убирает эту мотивировку ненависти его к Каифе. О причинах ненависти первосвященника к «невиновному бродячему философу» говорится иначе: «Темным изуверам от него – беда! Вы предпочитаете иметь дело с разбойником!» Соответственно меняется характер инвективы Пилата по отношению к еврейскому народу: «О, род преступный! О, темный род!» (Лосев, с. 282).

В окончательной редакции эти мотивы вообще оказались опущенными. Прокуратор бросал Каифе предупреждение: «Так знай же, что не будет тебе, первосвященник, отныне покоя! Ни тебе, ни народу твоему <...>!» (5, с. 38). Пилат давал понять, что ему известны мотивы ненависти к Иешуа, а Каифа отвечал на это ожесточенной настойчивостью.

Если задаться вопросом, о каких мотивах шла речь в булгаковском романе, то стоит обратить внимание на то, как автор «Мастера и Маргариты» обращался с евангельскими версиями причин ненависти к Иисусу. Вот эти версии:

Евангелие от Матфея: «Но первосвященники и старейшины возбудили народ просить Варраву, а Иисуса погубить.

Тогда правитель (Пилат. – *О.Б.*) спросил их: кого из двух хотите, чтобы я отпустил вам? Они сказали: Варраву» (Матф. 27, 20 – 21);

Евангелие от Марка: «И народ начал кричать и просить Пилата о том, что он всегда делал для них.

Он сказал им в ответ: хотите ли отпущу вам Царя Иудейского?

Ибо знал, что первосвященники предали его из зависти.

Но первосвященники возбудили народ просить, чтобы отпустил им лучше Варраву» (Мар. 15, 8 – 11);

Евангелие от Луки: «Но они продолжали с великим криком требовать, чтобы он был распят; и превозмог крик их и первосвященников» (Лк. 23, 23).

Евангелие от Иоанна: «С этого времени Пилат искал отпустить Его. Иудеи же кричали: если отпустишь Его, ты не друг кесарю; всякий делающий себя царем, противник кесарю. <...> Пилат говорит им: Царя ли вашего распну? Первосвященник отвечали: нет у нас царя, кроме кесаря» (Ио. 20, 12 – 15).

Евангелисты делают главными виновниками смерти Иисуса первосвященников, которые возбудили против него простой народ. Булгаков, судя по всему внимательно отнесшийся ко всем четырем версиям Евангелий, дал свою. Проповедь Иешуа в полной мере понята только двумя людьми – римским прокуратором и иудейским первосвященником, тогда как толпа остается *толпой*, а именно – зрителем, охочим до острых ощущений и совершенно равнодушным к нравственному смыслу происходящего:

«Он (Пилат. – *О.Б.*) знал, что теперь у него за спиной на помост градом летят бронзовые монеты, финики, что в воющей толпе люди, давя друг друга, лезут на плечи, чтобы увидеть своими глазами чудо – как человек, который уже был в руках смерти, вырвался из этих рук!» (5, с. 42).

По версии Булгакова, на смерти философа настаивают прежде всего Каифа и Синедрион, то есть *власть*, для которой успех проповеди Иешуа грозит умалением ее авторитета. Даже теоретическое отрицание насилия кажется людям власти опасным и нежелательным. Казнь Иешуа должна изолировать толпу от воздействия его идей и удержать ее в подчинении «начальникам и первосвященникам». Пилат, выдавая Иешуа на казнь, подчиняется не Каифе, которого ненавидит, но *принципу власти*, служителем которого являются и он сам, и Каифа. В душе Пилата неожиданно заговорило нечто прямо противоположное власти – совесть. До сих пор он ощущал себя человеком закона, и вдруг перед ним откры-

лось нечто высшее, чем закон. Тогда как для Каифы ничего выше закона нет и не может быть.

В «Лекциях по философии истории» Гегель писал о том радикальном перевороте, который совершило христианство в античном мире. До сих пор нравственность была законом, то есть волей богов. В столкновении с неожиданными случаями греки прибегали к оракулам. Предтечей христианства в античности явился Сократ, который отказался «признать судебную власть народа» и «противопоставил судебному приговору свою совесть»⁸.

Открытие морали привело к нравственному перевороту в античном обществе. В романе Булгакова первым человеком, осознавшим этот переворот и открывшим в своем внутреннем опыте то, что совесть выше закона, изображается Пилат. Это было дальнейшим раскрытием нравственной проблематики «Белой гвардии», в которой человек перед лицом обрушившихся «законов» может опираться только на нравственный закон внутри себя.

Христианство, с одной стороны, предложило человеку принцип свободного подражания Христу, то есть принцип личного морального выбора, укорененного в трансцендентной реальности, с другой – оно ограничило власть государства вытекающей из этого принципа внутренней свободой личности. Пилат оказался первым, кому была предложена эта свобода и кто не рискнул ее принять. Дело было в том, что выбор, предложенный ему бродячим философом, основывался на способности к добровольной жертве собой. И эта жертва противопоставлялась внешней необходимости как внутренняя свобода.

Драма булгаковского Пилата заключается в том, что он опознал в лице Иешуа Истину, способную сделать человека внутренне свободным, но испугался. Об этом говорят последние слова Иешуа на кресте, переданные Афранием Пилату:

«Единственное, что сказал он, это, что в числе человеческих пороков одним из самых главных он считает трусость» (5, с. 296).

С этими словами, смысл которых прокуратору хорошо понятен, он столкнется еще раз, когда заглянет в пергамент Левия Матвея:

«Гримасничая от напряжения, Пилат щурился, читал: «Мы увидим чистую реку воды жизни... Человечество будет смотреть на солнце сквозь прозрачный кристалл...»

Тут Пилат вздрогнул. В последних строчках пергамента он разобрал слова:

«... большего порока... трусость».

Пилат свернул пергамент и резким движением подал его Левию Матвею» (5, с. 319).

Каифа и Пилат хорошо понимают друг друга как люди власти. Твердость и последовательность первосвященника опираются на его верность

закону и вытекающую отсюда ненависть к тому, кто пытается этот закон поколебать.

Каифа отрицает Истину, и, более того, он хочет, чтобы для народа она никогда не существовала. В «московских» главах параллель Каифе составляет Берлиоз, который стремится изолировать Ивана Бездомного, человека толпы, от какого бы то ни было соприкосновения с Истиной, говоря, что «Иисуса-то этого, как личности, вовсе не существовало на свете и что все рассказы о нем – простые выдумки, самый обыкновенный миф» (5, с. 9).

У Пилата, которому не хватило мужества пойти за Ней, тоже есть «московская» параллель – Мастер, который «угадал» Истину своим романом, но, подобно Пилату, трусил и отказался идти по открывшемуся перед ним пути до конца. История Пилата оказывается притчей об историческом человечестве, которое, несмотря на «трусость» быть «добрым», уже не может существовать так, как будто этой Истины не существует.

Полное соприкосновение с Истиной, как и в «Белой гвардии», возможно, однако, только во сне:

«И лишь только прокуратор потерял связь с тем, что было вокруг него в действительности, он немедленно тронулся по светящейся дороге и пошел по ней вверх, прямо к луне. Он даже рассмеялся во сне от счастья, до того все сложилось прекрасно и неповторимо на прозрачной голубой дороге. Он шел в сопровождении Банги, а рядом с ним шел бродячий философ. <...> Казни не было! Не было! Вот в чем прелесть этого путешествия вверх по лестнице луны.

Свободного времени было столько, сколько надобно, а гроза будет только к вечеру, и трусость, несомненно, один из самых страшных пороков. Так говорил Иешуа Га-Ноцри <...>

Но, помилуйте меня, философ! Неужели вы, при вашем уме, допускаете мысль, что из-за человека, совершившего преступление против кесаря, погубит свою карьеру прокуратор Иудей?

– Да, да, – стонал и всхлипывал во сне Пилат.

Разумеется, погубит. Утром бы еще не погубил, а теперь, ночью, взвесив все, согласен погубить. Он пойдет на все, чтобы спасти от казни решительно ни в чем не виноватого безумного мечтателя и врача!» (5, с. 310).

Как человек власти Пилат стоит рядом с Каифой и вместе с последним отправляет Иешуа на казнь. Но просто *как человек* он оказывается рядом с Левием Матвеем: «Не будь ревнив, – скалясь, ответил Пилат (Левию Матвею. – *О.Б.*), – боюсь, что были поклонники у него и кроме тебя» (5, с. 320). Именно это признает во сне Пилата Иешуа:

– Мы теперь будем всегда вместе, – говорил ему во сне оборванный философ-бродяга, неизвестно каким образом ставший на дороге всадника с золотым копьём. – Раз один – то, значит, тут же и другой! Помянут меня – сейчас же помянут и тебя! (5, с. 310).

В полном соответствии с Евангелием, Иешуа предстает перед Пилатом, Левием Матвеем и Мастером – не только как *Истина*, но и как *Путь*. (Ср.: «Я есмь путь и истина и жизнь» – Ио, 14, 6). Но если Пилат и Мастер способны понять Истину, то ступить на Путь и следовать по нему оказывается способен только Левий Матвей.

В судьбе Пилата есть один странный момент, на первый взгляд никак не объяснимый в романе. В финальной главе Воланд показывает Маргарите и Мастеру Пилата, который мучится не только головной болью, бессонницей и совестью, и кратко объясняет смысл его наказания:

– Около двух тысяч лет сидит он на этой площадке и спит, но когда приходит полная луна, как видите, его терзает бессонница <...> Он говорит, что и при луне ему нет покоя и что у него плохая должность. Так говорит он всегда, когда не спит, а когда спит, то видит одно и то же – лунную дорогу, и хочет пойти по ней и разговаривать с арестантом Га-Ноцри, потому что, как он утверждает, он чего-то не договорил тогда, давно, четырнадцатого числа весеннего месяца нисана. Но, увы, на эту дорогу ему выйти почему-то не удастся, и к нему никто не приходит. Тогда, что же поделаешь, приходится разговаривать ему с самим собою <...>

– Двенадцать тысяч лун за одну луну когда-то, – не слишком ли это много? – спросила Маргарита.

– Повторяется история с Фридой? – сказал Воланд. – Но, Маргарита, здесь не тревожьте себя. Все будет правильно, на этом построен мир (5, с. 369 – 370).

Так возникает в романе *идея порядка*, утверждаемая вопреки всему страшному и мерзкому, что творится людьми, вопреки казни Иешуа и трусости Пилата. Булгаков в своем последнем романе восстанавливает иерархию бытия, которая ощущалась им в повестях 20-х годов опрокинутой.

---

¹ Все цитаты из романа «Мастер и Маргарита» даются по изд.: *Булгаков М.* Собр. соч.: В 5 т. / Подгот. текста Л.М. Яновской. Комментарии Г.А. Лескиса. М., 1990. Т. 5. «Мастер и Маргарита». В скобках указывается том и страница.

Цитаты из ранних редакций даются по изд.: *Булгаков М.* Великий канцлер. Князь тьмы / Подгот. текста, вступ. статья, комментарии В. Лосева. М., 1999, – в скобках указывается: *Лосев* и далее страницы.

² *Faryno J.* История о Понтии Пилате // *Russian Literature*. XVIII. 1985. С. 43.

³ *Зеркалов А.* Евангелие Михаила Булгакова: Опыт исследования четырех глав романа «Мастер и Маргарита». *Ardis, Ann Arbor*. 1984. С. 3.

⁴ *Ренан Э.* Жизнь Иисуса / Полный науч. пер. с 25-го издания А.С. Усовой. Послесловие И.С. Свенцицкой. М., 1991. С. 276 – 278.

⁵ *Зеркалов А.* Евангелие Михаила Булгакова: Опыт исследования четырех глав романа «Мастер и Маргарита». С. 142.

⁶ *Ренан Э.* Жизнь Иисуса. С. 251.

⁷ *Дамаскин Иоанн св.* Точное изложение православной веры. Ростов-на-Дону. 1992. С. 324 – 325.

⁸ *Гегель.* Лекции по философии истории. Кн. 2 // Гегель. Соч. М., 1932. Т. 10. С. 55 – 83.